

Личность в контексте культуры

Князь Евгений Николаевич Трубецкой

МИРОВОЙ СМЫСЛ*

Поиск смысла
жизни методом
исключения

Отмеченные нами неудачи в поисках смысла жизни имеют значение не только отрицательное: определяя искомый нами мировой смысл новыми отрицательными чертами, они тем самым косвенно наводят на положительные его определения. Горьким жизненным опытом мы познаем, *где его нет*, и уже тем самым, по методу исключения, приближаемся к тому единственному пути, где он может нам открыться.

Не увенчивается успехом ни самоутверждение земного, олицетворяемое греческим Олимпом, ни прямолинейный аскетизм и бегство от мира древней Индии.

Эта двойная неудача жизни доказывает, что оба жизненные пути, которые скрещиваются в мире, в своей отдельности несостоительны: тем самым она наводит человека на новое откровение мировой тайны. Если ни небо, ни земля, ни верх, ни низ в своей отдельности не вмещают в себя откровения смысла жизни, это значит, что смысл этот лежит где-то еще глубже, по ту сторону самой противоположности верха и низа. Он – не только больше земли, но больше и самого неба, – этот смысл, которого мы ищем, и оттого-то одинаково терпит крушение попытка найти его *только* на земле или *только* на небе. Ни в какой замкнутый план бытия он не вмещается, ибо он объемлет в себе *все* планы, *весь* мир в его це-

* Из книги: Трубецкой Евг. Н. Смысл жизни. М., 1918. Продолжение публикации. Предыдущую статью «Спор о жизненном пути» см.: Развитие личности. 2003. №4. С.217–226.

лом, а сам – *превыше мира*. Та невообразимая тоска, которую мы испытываем при виде без конца повторяющейся житейской суетолоки, свидетельствует человеку о каком-то надземном, *верхнем плане*. Но, с другой стороны, изображается как ложная всякая попытка понять смысл жизни как что-то безусловно чуждое земле и навеки ей потустороннее.

Полнота всемирного смысла в объединении неба и земли

Или нет вовсе этого смысла, ради которого мы живем, или это – в самом деле смысл всемирный. Или это наша неоскучевающая надежда лишена всякой точки опоры, или в самом деле есть та Архимедова точка опоры, опираясь на которую можно сдвинуть землю и поднять ее ввысь со всем живущим на ней. Небеса, оторванные от земли, – небеса безжизненные и холодные: они так же далеки от полноты, а стало быть, и от смысла, как самоутверждающаяся земля, оторванная от неба. Поэтому полнота всемирного смысла может явиться только в объединении неба и земли.

Смысл жизни – сила всепобеждающая

Одно из двух – или *все* в мире в конечном счете осмысленно, или все бессмысленно. Ибо есть *всесединий смысл*, проникающий в какой-то неведомой глубине все, что есть, и земное и небесное, и мертвое и живое, или тщетно самое наше искание смысла. Если есть смысл жизни, то он должен быть *силою всепобеждающею*. Он должен стать способностью все претворять в себя, даже суету, даже самую бессмыслицу. В мировой жизни не должно оставаться ни единого уголка, им не озаренного и им не наполненного. Он должен сиять не только внизу и не только наверху, этот смысл, а крестообразными лучами, вверх, вниз, во все стороны. Он должен открыться в самом страдании, в самой немощи твари, в неудачах ее искания, в ее высшей, предельной муке, более того – *в самой ее смерти*.

Смысл жизни и в радости и в страдании

Иначе говоря, мы должны искать смысл жизни не в горизонтальном и вертикальном направлениях, отдельно взятых, а в объединении этих двух жизненных линий, *там, где они скрещиваются*. Если есть смысл жизни, то должна быть побеждена и превращена в высшую радость и та и другая крестная мука, – и физическое мучение земной твари, и тяжкое *духовное* страдание, и страдание неудавшегося подъема к небесам. Этот смысл *крестом испытуется*. Ибо, в конце концов, вопрос о смысле есть вопрос о том, может ли полнота неумирающей, совершенной, вечной жизни родиться из крайнего, *предельного* страдания? Может ли крест – символ смерти – стать источником и символом жизни?

Бог как жизненная полнота

Всякому понятно, что этот вопрос о всесильном и все-побеждающем смысле есть вопрос о Боге. Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни. Это и есть то, ради чего стоит жить и без чего жизнь не имела бы цены. И, хотя бы предположение это опровергалось повседневным опытом, хотя бы мы на каждом шагу встречали яркие доказательства бессмыслия и безбожия вселенной, все-таки в последней инстанции то предположение смысла, на котором утверждается вся наша жизнь, никакими доказательствами опровергнуто быть не может. Хотя бы мы жили в царстве смерти, хотя бы мы чувствовали всю немощь духа, бессильного одухотворить плоть, хотя бы мы ощущали всем существом этот ужас мира, оставленного Богом, все-таки человек никогда не устанет спрашивать, где смысл, где Бог. И он будет искать того высшего Богоявления, которое одно может окончательно опровергнуть бессмыслицу жизни. Пока жив человек, это искание не умрет: ибо в самой основе его жизни есть неотразимая очередность смысла вопреки свидетельству опыта о бессмыслице.

Цель жизненных стремлений – полнота жизни вечной

Верить в эту очевидность – именно и значит верить в победу жизни над величайшей мукой, верить в упразднение смерти, иначе говоря, – в преображение самого креста из пути смерти в путь жизни. Изо всех религий одно христианство дает и утверждает *положительное решение этой задачи*; оно *одно* дает, стало быть, положительное решение вопроса о смысле жизни. Мало того, это – *единственно возможное* положительное решение. Мы должны или принять именно это решение, или отчаиваться в смысле жизни. Нам не уйти от этой неотвратимой дилеммы: или в мире нет смысла и нет Бога, или же Бог должен явить свою победу в средоточии мировых страданий, в скрещении мировых путей. Или нет победы смысла над бессмыслицей, или есть полная, всему миру явленная *победа на кресте*. Цель всякого жизненного стремления есть *полнота жизни вечной, неумирающей*: именно эта полнота, к которой стремится всякая жизнь, есть предмет всякого религиозного искания, его *terminus ad quem*^{*}. Его исходная точка – *terminus a quo*^{**} – есть, напротив, мир, лишенный этой полноты, а потому стремящийся к ней, ищащий, страждущий и умирающий. Задача религиозного сознания, стало быть, именно в том и заключается, чтобы найти точку объеди-

* *Terminus ad quern* (латин.) – конечная цель.

** *Terminus a quo* (латин.) – исходный пункт.

нения этих двух начал – *той вечной полноты жизни*, которая составляет *искомое* всего живущего, и *той страждущей твари*, которая ищет. Во всех религиях эта задача так или иначе ставится: исканье *вечной жизни* – их общий мотив; но только лишь религия религий – христианство – находит *искомое*, достигает этой цели. Оно одно утверждает грядущее *полное объединение* обоих начал – божественной полноты и мира стремящейся, страждущей твари.

Христианство – особое жизнепонимание

Христианство всем своим существом отличается как от эллинской, так и от индусской религиозности. Среди этих двух противоположных мироощущений оно представляет собою особое, третье жизнепонимание, в котором объединяются мировые противоположности *потустороннего* и *посюстороннего*. По учению Христа, Бог осуществляется и воплощается в мире, а мир приобщается к полноте божественной жизни. Как сказано, в этом и заключается то единственное *положительное решение* вопроса о смысле жизни, которое остается принять или отвергнуть. *Иного быть не может*. Одно из двух – или нераздельное и неслиянное сочетание Бога и мира совершается и совершится, или мировой процесс в его целом бессмыслен. Или христианское религиозное решение вопроса о ценности жизни, или простой отказ от веры в эту ценность, и вместе с тем – отречение от всякой религии. Вопрос может идти не о выборе между религиями, а лишь о выборе между христианством и полной безрелигиозностью. Единственная и безусловная ценность христианского решения выясняется из рассмотрения основного начала христианской веры.

Единство Божеского и человеческого

Христианская вера есть прежде всего вера во Христа – совершенного Бога и в то же время – совершенного человека. Не самый факт Боговоплощения представляет тут особенность христианства, отличие от других религий, – и не явление Божества в человеческом образе, – а *нераздельное и неслиянное единство Божеского и человеческого*. Божество воплощенное и Божество, являющееся в человеческом образе, известно и многим другим религиям. Но христианство – единственная из этих религий, в которой ни Божеское не поглощает человеческого, ни человеческое – Божеского, а *то и другое естество, не превращаясь в другое, пребывает во всей полноте и целости в соединении*. Человек, соединяясь с Богом, тут не растворяется в Нем, а, наоборот, восстанавливает нарушенную страданием и смертью целостность своего существа, достигая полноты и совершенства своей человеческой жизни. Итак, венец творения – совершенный

человек – вмещает в себе полноту Божеского, становится *Богочеловеком*; в этом и заключается разрешение основного вопроса жизни – единственно возможный выход из порочного круга, в котором вращается мир.

Мы видели, что порочный круг есть выражение жизни, не достигающей цели, а потому вечно возвращающейся к *одной и той же исходной точке*. Но если полнота божественной жизни действительно и притом навеки соединилась с человеком, то тем самым прорван этот магический круг бесцельной и бессмысленной жизни. В мире есть цель, которая достигается, цель безусловная; ибо возможно ли мечтать о каком-либо высшем благе и высшей правде, чем сочетание твари с полнотой божественной жизни! В лице перворожденного всей твари – человека, вступает в соединение с Богом вся тварь земная; через Богочеловечество благодать сообщается и низшим ступеням творения; через него весь мир должен быть обужен. Если так, то мировой процесс уже не есть дурная бесконечность: в нем есть конец, который достигается, – полнота прекрасной и вечной жизни; наблюдаемая нами мировая жизнь уже не есть бессмысленное кружение, а движение к безусловному смыслу, сочетание и скрещение двух направлений – вперед и вверх. Раз сочетались в мире два начала – Бог стал человеком и понес его крестную муку, а человек стал сыном Божиим, – тем самым весь мир осенен животворящим крестом, оба жизненные пути его наполнились смыслом: и путь горизонтальный, в пределах земного плана, и путь вертикальный – подъем в высший план. Покуда между Богом и миром существует пропасть, оба пути человеку заказаны, оба обречены на неудачу: ибо, доколе нет соединения с Началом жизни безусловной, всякий жизненный путь в обоих направлениях приводит к смерти. Но раз Бог сошел на землю, понес на себе ее страдание и немощь, Он тем самым становится вездесущим мировым центром. Он и надо мною, и впереди меня: я найду Его и в духовном подъеме – над землею и в земном Его явлении и средоточии. Раз Бог есть во всем – оба мировые пути приводят к цели, и оба тем самым оправданы.

Во Христе жизненный путь перестает быть порочным кругом. Победою на кресте упраздняется дурная бесконечность и дурная периодичность смерти. В противоположность Дионису и другим богам натуралистических религий, периодически умирающим и периодически воскресающим, Христос единожды умер и воскрес; в Нем упразднен самый закон всеобщего периодического умирания. В Нем весь мир от человека и до низших ступеней

Жизненный путь
перестает быть
порочным кругом

творения должен раз и навсегда воскреснуть. Тем самым порочный круг всеобщей суеты пресуществляется в небесный круг вечного покоя. Мир приходит к своему безусловному концу не в смысле прекращения, а в смысле *достижения полноты бытия*. И выстрадавший блаженство, развенчанный царь-человек вновь восстановливается в своем царственном достоинстве.

Отсюда видно, почему именно явление Христа на земле представляет собою исчерпывающий, *полный* ответ на вопрос о смысле и на искушения бессмыслицы. *Страдание и смерть* – вот в чем наиболее очевидные доказательства царствующей в мире бессмыслицы: всеобщее взаимное причинение смерти как необходимый закон самой жизни на земле – вот в чем очевидное доказательство *неправды* этой жизни. Порочный круг этой жизни есть именно круг страдания, смерти и неправды. В чем же должно заключаться то явление смысла и правды, которым опровергается и обращается в ничто эта очевидность противоположного? В чем должна заключаться эта высшая победа, которая открывает нам искомую нами достоверность смысла?

Основное проявление неправды в мире – безбожие

Вольная страсть Богочеловека и воскресение, как ее последствие – вот то единственное в мире откровение мирового смысла, которым этот смысл может быть удостоверен. Роковое отделение мира от Бога – вот в чем основная неправда его существования: эта неправда выражается в присущем каждой твари эгоизме, в стремлении поставить *свою жизнь и свою волю* как высшее и безусловное. Иначе говоря, основное проявление *неправды* в мире есть его практическое безбожие; но в этом же заключается и первоисточник смерти: тварь, оторванная от первоисточника жизни, тем самым обречена на дурную бесконечность взаимного истребления и смерти. Все эти *отрицательные* черты бессмыслицы и неправды сводятся так или иначе к отрицанию *положительного* содержания смысла и правды и тем самым косвенно обнаруживают это содержание.

Самоотречение – проводник к вечной жизни в мире

Первое, в чем должно обнаружиться воссоединение твари с Богом и, соответственно с этим, – осуществление безусловного смысла и правды в мире, это – полное внутреннее преодоление тварного эгоизма, отказ твари от *собственной воли* и полная, беззаветная ее отдача себя Богу. Это – решимость *не иметь собственной жизни*, а жить исключительно жизнью божественною, *стать сосудом Божества*. Иными словами, первым обнаружением совершенного соединения Бога и твари должна быть *совершенная жертва*. Но совершенная жертва есть именно

высшее, предельное выражение земного подвига Христа. Именно этим подвигом Его человеческое естество обнаружило полноту и совершенство своего соединения с Богом. Именно в этом послушании до конца Христос заявил Себя не просто человеком, а Богочеловеком; и именно через это самоотречение Он стал проводником вечной божественной жизни в мир.

Два мира столкнулись на Голгофе

Совершенная жертва не есть только нравственный подвиг, это – полный переворот в целом жизненном строе, основанном на самоутверждении тварного эгоизма и по тому самому – начало целого космического переворота. Два мира, два противоположных жизненных строя столкнулись на Голгофе – проповедь самоотречения и отдачи себя Богу, с одной стороны, а с другой стороны, вызванный ею подъем всех сил зла, всей накопившейся в мире ненависти. Крик – «смерть ему» – выражает собою тут не голос разъяренной толпы, а все жизненное устремление оторванного от Бога мира, который хочет жить сам по себе, для себя, который в самом себе полагает свою высшую цель. Стало быть, страдание и смерть Богочеловека тут – логическое последствие явленного Им начала совершенной любви к Богу; это – именно то, к чему роковым образом должно привести *послушание до конца*.

Ясно, что именно эта смерть есть обнаружение высшей, безусловной правды, которой Христос добровольно принес себя в жертву. Ясно также и то, почему именно *такая* смерть должна стать началом полной победы над смертью.

Жизненная
полнота и правда
всеединства во
Христе

Ведь если Бог есть жизнь, то смерть, царящая в этом мире, возможна лишь как последствие отчуждения мира от Бога. Умирает все то, что оторвано от Бога, все то, что ищет отдельной от Него жизни. Но «совершенная жертва» восстанавливает полное единство между Богом и тварью; и тварь, вернувшаяся к источнику жизни, тем самым оживает. Добровольная смерть Богочеловека именно и означает восстановление связи человека с вечной жизнью, возвращение человеческого естества к той жизни, которая не умирает. Но эта божественная жизнь есть *полнота*, а полнота не мирится со смертью. Не какая-либо часть человеческого существа должна ожить в этой полноте, а *весь человек – и дух и тело*. Вот почему необходимым последствием этой смерти является воскресение Христа, поправшего смертью смерть. Жизнь Богочеловека, Его страдание, смерть и воскресение – все тут связано неразрывной логической цепью. Это и есть логика мирового смысла. Если Бог есть жизнь, то Он дол-

жен открыться в мире, как любовь, все наполняющая жизнью. Иначе эта любовь явиться в мире не может. Так в явлении Христа мы узнаем мировой смысл по тем его признакам, которые некоторым образом уже до Его явления открываются добросовестномуисканию человеческого сердца и суду человеческой совести. В Нем мы находим явление искомой нами жизненной полноты и правду всеединства.

